

Н.К. Онипенко
(ИРЯ РАН)

**Лингвистический анализ текста и терминологической аппарат
современной грамматической науки**

*Дорогому Павлу Александровичу Леканту,
исследователю и педагогу,
с наилучшими пожеланиями*

В акте исследования соединяются объект, инструмент и исследователь. В акте лингвистического исследования объектом становится текст, инструментом – научные концепции и терминологический аппарат. Сложность современного филологического исследования состоит в том, что разные научные дисциплины создали множество терминов для интерпретации одного объекта. Множественность терминов в одних случаях оправдана, а в других – нет. Текст такое сложное явление, что при его исследовании в разных аспектах обнаруживаются разные сущности, которые и требуют своего терминологического обозначения. Но иногда различия в терминологии связаны не с сущностными различиями объектов, а с желанием разграничить человеческое пространство (пространство субъектов исследования) – разделить научные школы, национальные лингвистические традиции. Например, термины *речь*, *текст*, *дискурс* и *стиль* могут означать одно и то же и быть фактически синонимами, но могут и противопоставляться, разграничиваться в пределах одной филологической концепции.

Своей целью лингвистика признает язык – идеальный объект, который не дан в непосредственном наблюдении, а основное терминотворчество оказывается направленным на те сферы, которые даны исследователю в непосредственном наблюдении, – процесс говорения и результаты языковой деятельности. Так появился термин *дискурс*, который в современной филологии оказывается синонимичным и речи, и тексту, и стилю. Этот термин попал в русистику из романской и германской филологий, где вначале понимался как речь (Э. Бенвенист).

В томе, посвященном лингвистике текста, Т.М. Николаева дает пять значений термина *дискурс*: связный текст, устно-разговорная форма текста, диалог, группа высказываний, связанных между собой по смыслу, речевое произведение как данность [Николаева 1978: 467]. ЛЭС определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» и как «речь, «погруженную в жизнь» [ЛЭС 1990: 136-137]. Ю.С. Степанов сближает понятия дискурс и стиль, понимая дискурс как область общественного сознания, порождающую тексты определенной тематики. [Степанов 1995: 35-73]. В сборнике аналитических обзоров (ИНИОН), вышедшем в 2000 г., показаны тенденции формирования «когнитивно-дискурсивной парадигмы» (парадигма как система научных знаний) и даны такие значения термина дискурс: (1) разговорная практика, речь, использование языка, (2) речевая деятельность, коммуникативная деятельность, (3) фрагмент языка, появление которого связано с определенными логико-лингвистическими условиями и потому ограничено [Кубрякова 2000: 9].

По сути дела, термин *дискурс* соединяет речь и языковую деятельность, противопоставляя их языку (в понимании Ф. де Соссюра): для существования речи и языковой деятельности необходим субъект речи, индивидуум, а язык – явление социальное. Популярность термина *дискурс* сегодня обусловлена

антропоцентризмом современной лингвистики, ее вниманием к говорящей личности и к условиям речевого акта.

Лингвисты приняли и активно используют термин *дискурс* по двум причинам. Во-первых, это позволяет не нарушать традиции структурной лингвистики, сохранить уважение к ней, но задать новые «правила игры»: изучать традиционные языковые объекты не в их изолированном уровне существования, а в реальном (текстовом) существовании. Во-вторых, термин *дискурс* имеет пространственные коннотации, в отличие от понятий текст и речь – с «вещными» коннотациями, первое из которых прежде всего ассоциируется с письменным продуктом, а второе – с устным диалогом, говорением. А пространственные коннотации термина *дискурс* объединяют и темы, и людей, и тексты, и саму сферу общения. В результате мы получаем способ делить общественное сознание на области. При этом экспансия термина *дискурс* распространяется и на сферу применения термина *стиль*. Сегодня термин *дискурс* обнаруживает поворот современной структурной лингвистики к человеку, обеспечивая потребности одного из научных направлений.

Еще один случай, когда традиционный термин заменяется новым, заимствованным. В русской филологической традиции существуют понятия *повествование* в смысле «рассказывание» и *тип речи* (повествование, описание, рассуждение). Эта триада восходит к античной риторике. Лингвистка текста взяла понятия *повествование* и *тип повествования*, но подвергла критике традиционную риторическую триаду: повествование и описание являются гомогенными (повествование – последовательность высказываний, отражающая последовательность событий; описание – последовательность высказываний, отражающая последовательность восприятий), рассуждение предполагает определенную структуру, поскольку цель рассуждения – прийти к определенному выводу в результате рассуждения. Тем самым описательные и повествовательные тексты рассматриваются на одних основаниях, а рассуждения – на других.

В структурном литературоведении середины 20 в. появился термин *нарратив*, который понимается как повествование. Зачем он оказался нужен русистике? Во-первых, это возможность соединить усилия русской стилистики художественной речи с европейской теорией художественного текста. Во-вторых, этот термин позволяет развести два значения термина *повествование*, о которых говорил А.А. Потебня: повествование в широком смысле (рассказывание) и повествование в узком смысле (рассказ о событиях). Таким образом, нарратив заменяет повествование в широком смысле. В-третьих, этот термин оказался удобен для образования терминологических сочетаний. Так, от термина *нарратив* был произведен термин *нарративный режим интерпретации* (Е.В. Падучева), который позволяет грамматистам-структуралистам интерпретировать видо-временные формы. Однако и сам термин *нарратив*, и его производные не несут нового содержания по сравнению с русскими терминами *повествование* и *повествователь*.

Первоначально понятие нарратива принадлежало грамматике, где использовалось для описания особых форм романского глагола в повествовательном тексте. Далее сам повествовательный текст становится объектом особой филологической дисциплины – *нарратологии* (А. Греймас, Ж. Женетт, В. Шмид), которая является одним из направлений западноевропейского структурного литературоведения. В рамках нарратологии мы находим такие однокоренные с *нарративом* термины, как *нарратор*

(рассказчик или повествователь), *наррация* (процесс рассказывания), *нарративная типология* (типология повествовательных форм, обусловленных точкой зрения говорящего).

Появление терминов *дискурс* и *нарратив* в русистике означает не открытие новых сущностей, а открытие направлений исследования в рамках тех научных школ, которые до сих пор не занимались текстом, т.е. ограничивали свое исследование в соответствии с требованиями уровневой лингвистики. В результате складывается ситуация, когда заимствованные термины применяются для интерпретации уже рассмотренных в русской стилистике (поэтике) объектов и дублируют уже существующие русские термины. Какова может быть судьба этих терминологических пар? Либо один из терминов перестанет употребляться, либо употребления, либо синонимичные сегодня термины (русские и западные) разойдутся в значении.

Терминологическая «путаница» - неразграничение объектов и инструментов (терминов для обозначения объектов и терминов для интерпретации объектов) – коснулась и самого понятия текст. Исследователи признают «объективную нечеткость и неопределенность такого комплексного феномена, как текст, помноженную на его неопределенность в рамках современной лингвистической теории, а также неясность границ предмета исследований в случае художественного текста» [Лукин 2005: 16]. В результате текст определяется не как объект, а как слово, концепт. В.А. Лукин предлагает целую совокупность компонентов, образующих концепт текст: «знаковая последовательность текста, связность, цельность, текстовый код, семантическая структура текста, композиция текста, интерпретация текста, произведение, авторский замысел, референтная область текст, функции текста» [там же: 18]. При таком наборе понятий термин *текст* оказывается синонимом *филологического дискурса*, т.е. становится понятием, которое представляет ментальность филолога: и сам объект исследования, и все вторичные исследовательские тексты, которые он породил.

С текстоцентризмом и антропоцентризмом современной филологии связан еще один термин, который активно используется, однако не имеет общепринятого толкования, – *прагматика*. Термин *прагматика* пришел в лингвистику из семиотики, где понимается как отношение знака к пользователю, т.е. отношение знака к *Я* говорящего. Лингвисты, которые первоначально работали только с семантикой знака (слова и предложения), расширили сферу своих интересов, включив в нее говорящего, и обозначили эту область исследования не термином семантика (который остался в своих прежних границах: отношение между знаком и внеязыковой действительностью), а другим термином – *прагматика*. 80-е гг. 20 в. в лингвистике стали своеобразным «прагматическим бумом», когда большинство грамматических объектов начали рассматриваться в связи с фигурой говорящего и в тексте. «Прагматический бум», вернувший говорящего в лингвистические исследования, оказался своеобразной ответной реакцией на изгнание человека из языковой системы. То, что «до прагматической эры» уже было обнаружено и признано в языковых объектах, было соотнесено либо с формой (грамматика), либо со значением (семантика), но тот смысл, который рождался в тексте и был обусловлен точкой зрения говорящего, оказался открытием и для формальной описательной русистики, и для структурализма, что и сделало необходимым терминологически обозначить «открытие» новой области исследований – «зону прагматики».

В ЛЭС читаем: «Прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» и далее: «Прагматика охватила многие проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках риторики и стилистики, коммуникативного синтаксиса, теории и типологии речи и речевой деятельности, теории коммуникации и функциональных стилей, социолингвистики, психолингвистики, теории дискурса» [ЛЭС 1990: 390]. Н.Д. Арутюнова (которая и писала эту статью в ЛЭС) очень точно выразила сущность лингвистической прагматики: объекты, имеющие «длительную историю изучения», стали рассматриваться под другим углом зрения, а множество разных проблем (как правило, нерешенных) объединились в одну область лингвистических исследований.

То, что сегодня называется прагматикой (например, референция, анафора, точка зрения), наши предшественники рассматривали как один из признаков в ряду других. Так, А.М. Пешковский, интерпретируя пару бытийных предложений – «безличное» с родительным падежом и «личное» с именительным (*Иванова не было – Иванов не был; У меня в кармане не было ни одного гроша не было – Ни один грош не был у меня в кармане*), выявлял «ряд условий, способствующих безличности» или «препятствующих ей». Этих условий четыре, три из них относятся к области синтаксиса, а последнее – оттенок определенности/ неопределенности «в существительном, стоящем в этих падежах» - к той самой прагматике (используя современную терминологию).

Если мы прочтем фрагменты из книги А.М. Пешковского, то найдем, что они напоминают ход рассуждений, фразеологию современной лингвистики: «нельзя (или почти нельзя) сказать «у меня не был в кармане ни один грош»; «не были никакие деньги»; «не будут на свете ни слезы, ни вражда» (пример из Надсона) и т.д. Правда, при постановке именительного в начале личный оборот делается уже более возможным: *ни один грош не был у меня в кармане*, но при этом происходит резкое изменение смысла – так сказать можно только про определенные предметы (например, если бы говорилось о ранее известных грошах). *Ни одного гроша не было* обозначает безденежье, и *гроши* сами по себе тут ни при чем. *Ни один грош не был* обозначает, что ни одного из тех грошей, о которых ранее говорилось, не было, хотя, может быть, были и рубли, и тысячи рублей» [Пешковский 2001: 335]. Такое рассуждение во времена Пешковского не признавалось собственно научным; может быть, именно за подобные рассуждения В.В. Виноградов и называл труды Пешковского эклектичными. В то время такое соединение разных аспектов одного объекта воспринималось как эклектика. Сегодня мы рассматриваем объект в его целостности, пытаемся соединить разные его аспекты и обнаруживаем, что так называемая прагматика нередко составляет сущность языкового объекта.

Рассмотренные нами термины не открывают новых сущностей. Хотя они легко вошли в научный обиход и часто употребляются, но не как работающие инструменты анализа, а, скорее, как способ обозначить принадлежность самого исследователя к той или иной научному направлению.

Текст всегда был объектом таких филологических дисциплин, как стилистика и риторика, в которых для классификации текстов использовалась своя терминология.

Обратимся теперь к такой терминологической паре, в которой темины, близкие этимологически, разошлись по значению. Речь пойдет о терминах *стиль* и *регистр*.

Стилистику принято делить на функциональную стилистику и поэтику (стилистика художественной речи). И в той и в другой используется понятие стиль. Функциональные стили отличаются друг от друга не только средствами, но, прежде всего, сферой функционирования (бытовая, деловая, научная и т.д.). Поэтика занимается индивидуальными стилями (идиостиль, язык одного автора) и литературными стилями (объединяющими разных авторов одной художественной идеологии: классицизм, романтизм, реализм и т.д.). По сути, три значения слова стиль сводимы к одному: речевая манера, обусловленная ситуацией общения (функциональный стиль), индивидуальная манера в отличие от других «языковых личностей» (идиостиль), творческая манера единомышленников, обусловленная задачами времени (литературный стиль).

Из риторики пришло понимание термина *стиль* в соответствии с темами (предметами изображения), которые задавали три «жанра словесности»: низкий, средний, высокий. Стилистические различия были обусловлены различиями в предмете мысли. На русской почве наиболее полно эту идеологию словесности выразил М.В. Ломоносов (теория «трех штилей»). Если использовать пространственную метафору для сравнения стилей в стилистике и в риторике, то можно сказать, что стилистика имеет дело с языковыми подсистемами, соотнесенными в пространственно-временной плоскости (в мире речевой деятельности людей), а риторика – с жанрами, распределенными по оценочной вертикали (хуже/ лучше, ниже/ выше, тело/ дух).

Слово *стиль*, связанное с оценочной вертикалью, в романской традиции обозначается термином *регистр*. В истории русского литературного языка термин регистр был использован для разграничения жанров письменности в 17 в.: «В XVII в. мы имеем дело, по крайней мере, с четырьмя письменными традициями (регистрами), каждая из которых выступает как относительной автономный узус» [Живов 2000: 573].

Грамматика коммуникативная (объяснительная), избрав своим объектом текст, сближается и с стилистикой, и риторикой, и с нарратологией, и с лингвистической прагматикой, но создает собственную терминологию (инструментарий) для интерпретации текста. Грамматика не может использовать понятие стиля, поскольку оно перегружено значениями. Термины *тип речи* и *стиль* («штиль» риторический) также не могут быть использованы в грамматическом анализе, поскольку они прикреплены к предмету изображения (и, соответственно, к лексике). Нарратив и наррация – это или только сюжетные тексты, или только одна сторона речевого произведения: сам процесс говорения, рассказывания.

Грамматике коммуникативной необходим был термин, который бы позволял объяснять различия и между фрагментами текстов, и между текстами, и между стилями. Таким термином стал *коммуникативный регистр речи* (в первом варианте *коммуникативный тип речи*). Идея существования разных моделей речевой деятельности была выдвинута Г.А. Золотовой в 60-е годы, уточнялась в книгах 1973 г. и 1982 г. и получила окончательное воплощение в "Коммуникативной грамматике русского языка" [Золотова и др. 2004].

Чтобы понять, что такое коммуникативный регистр речи, обратимся к модели 4-х уровней интерпретации текста. В ней между уровнем языковых структур (ступень А) и уровнем текста (ступени С, D) есть ступень (ступень В),

на которой обнаруживаются репертуар речевых технологий, или определенных моделей речевой деятельности. Эти ментально-речевые модели не принадлежат конкретному тексту и конкретному автору, они обеспечивают функционирование языковой системы в соответствии с определенными коммуникативными задачами любого говорящего (пишущего). Эти модели и получили название коммуникативных регистров речи. Пять регистров с учетом описательной и повествовательной разновидностей репродуктивного и информативного регистров образуют семичленную функциональную парадигму. В семичленной парадигме коммуникативных регистров дифференциальными являются временная локализованность предиката, тип референции субъекта, тип модуса. Типология коммуникативных регистров имеет непосредственное отношение к глагольным категориям времени, вида и наклонения.

Понятие коммуникативного регистра появилось в результате грамматического анализа текста и представляет собой возведение грамматических категорий времени и модальности до уровня текста. Коммуникативный регистр речи - это не простое переименование уже известных сущностей, не расширение контекста для интерпретации идеи времени, это - модель речевой деятельности, позволяющая соединить уровень слова (синтаксему) и уровень текста, лексику и грамматику, интерпретировать определенные грамматические значения в связи с точкой зрения говорящего.

Возвращаясь к дихотомии «язык – речь», предложенной Ф. Де Соссюром, покажем то место, которое занимает понятие коммуникативного регистра:

ЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Речевая деятельность

Язык -----→ Речь

Между языком-системой и речью-результатом есть третий компонент – речевая деятельность, которую осуществляет человек говорящий. В его распоряжении разные технологии использования языковой системы в соответствии с его коммуникативными задачами. Набор (репертуар) этих технологий зависит от культурно-исторических условий функционирования языка, от социально-коммуникативных и эстетико-коммуникативных потребностей общества в разные периоды его развития.

Коммуникативный регистр речи – понятие, которое позволяет преодолеть противопоставление языка и речи. Коммуникативный регистр речи – трехмерное понятие: (1) фрагмент, обнаруживаемый в речевой последовательности (в тексте), (2) модель речевой деятельности и (3) языковые средства, предназначенные для реализации этой модели в тексте, тем самым понятие коммуникативного регистра оказывается обращенным к языковой системе, к тексту и к говорящему, который творит текст.

Коммуникативный регистр речи не является одной из единиц языка в строю "фонема - морфема - лексема - синтаксема - словосочетание - предложение". Понятие коммуникативного регистра соединяет вертикальной связью все значимые единицы языка - от морфемы до предложения - и соотносит эту вертикаль с конкретными условиями и задачами коммуникации, то есть соединяет язык с речью, с текстом. Единицы в языковой системе распределены по их функциональной (регистрающей) предназначенности. Речь не идет о стилистическом делении лексики и синтаксиса, речь идет о

функционально-коммуникативной организации языковой системы, в соответствии с репертуаром коммуникативно-деятельностных моделей - коммуникативных регистров, каждый из которых располагает набором языковых средств, предназначенных для его воплощения в тексте.

Подводя итоги рассуждений о терминах, следует отметить, что текст, будучи объектом разных филологических наук, интерпретируется с помощью разной терминологии. Появление новой терминологии обусловлено либо изменением самого объекта, либо появлением новых научных концепций и дисциплин. В современной лингвистике текста пересекаются термины *стиль, тип речи, дискурс, нарратив, прагматика* и *коммуникативный регистр речи*. Последний термин возник в рамках коммуникативной грамматики как инструмент членения текста на грамматических основаниях. Коммуникативный регистр – это модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающая набором языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста (регистровом композитиве).

Литература

- Булыгина Т.В. и Шмелев А.Д. понимают пространственно-временную локализацию как суперкатеорию предложения // Вопросы языкознания, 1989, № 3.
- Живов В.М. О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике// Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005.
- Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности// Язык и наука конца 20 в. М., 1995.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научной освещении. М., 2001.
- Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.